

Время быть пеплом

Прах

1.

Катя. Папа, передай соль.

Папа. Где твоё «пожалуйста»?

Катя. Пожалуйста. Если не трудно.

Папа. Не трудно.

Мама. Не хами отцу.

Катя. Я и не.

Мама. А по-моему — да.

Катя. Даже и в мыслях не было.

Мама. Значит, мне показалось.

Катя. Тебе показалось.

Мама. Слушай, прекрати.

Катя. А что такое?

Папа. Можно потише?

Мама. Я вообще молчу.

Катя. Я тем более.

Папа. Ну вот и отлично. Помолчите обе. Мне есть что вам сказать.

Мама. Я молчу.

Катя. Мы молчим.

Мама. Если ты молчишь, то молчи.

Катя. Тебя тоже касается.

Папа. Прекратите кусаться. У меня новость.

Катя. Хорошая?

Папа. Новости всегда хорошие, даже если они плохие.

Мама. Это почему?

Папа. Потому что всё к лучшему.

Катя. Всегда? Обязательно?

Папа. Обязательно.

Катя. Спасибо. А я-то думала. Ну вот, умирать уже не страшно.

Мама. Не хами отцу.

Катя. Я и не. Я серьёзно.

Папа. Вы новость слушать будете?

Мама. Будем.

Катя. Да. Давай сюда свою новость.

Папа. А новость такая. Сегодня утром доставили урну с прахом дедушки.

Катя. Урну? Это как для мусора, что ли?

Мама. Тебе по губам дать? Или как?

Катя. Лучше «или как».

Папа. Ну, «урна» — это ваза такая с крышкой. Обычно. Но в нашем случае это просто металлическая коробка. Не очень большая.

Катя. И всё равно — «урна»?

Папа. Ну да. Так принято. Вот.

Катя. Это она, что ли?

Папа. Да. Это дедушка.

Мама. Ты с ума сошёл? Ты зачем его сюда притащил?

Папа. А что? Ему-то что. Его уже нет.

Мама. Ты мертвеца на стол поставил.

Папа. Это не мертвец. Это пепел.

Катя. Вот чёрт. А можно подержать?

Папа. Можно. Только аккуратно.

Катя. Я не рассыплю.

Мама. Этого только не хватало.

Папа. Она плотно закрыта. Просто не урони. Дедушка всё-таки. Твой.

Катя. Такой маленький.

Мама. Ты думай, что говоришь.

Катя. А что?

Мама. Никакого уважения.

Катя. Почему? Я же его не видела никогда. Только на фотографиях.

Папа. Он был непростым человеком.

Катя. Ты зато проще некуда.

Мама. Ты как с отцом разговариваешь?

Катя. Ну что ты пристала? Он же не обижается.

Мама. Ну и дурак, что не обижается. Но он — твой отец.

Катя. И?

Мама. Родителей нужно уважать. И отца, и мать.

Катя. Спасибо, кэп. А то я как-то была не в курсе.

Мама. Кто? Кэп?

Катя. Да, он.

Мама. Ох.

Катя. Повздыхай, повздыхай. Тебе полезно.

Мама. Катерина!

Папа. Катька, не обижай мать. И давай сюда дедушку.

Катя. Сейчас. У меня такое ощущение, что там фотографии внутри.

Папа. Чьи?

Катя. Дедушкины. Он для меня на фотографиях только и существовал. И умер на них, наверное. Признавайся, папа, там же внутри фотографии?

Мама. Не говори ерунды.

Катя. Я знаю, ты их сюда спрятал, потому что дедушка на них теперь в гробу.

Папа. Ничего я не прятал. Эту коробку сегодня принёс курьер, в ней прах моего отца.

Катя. Ты так просто об этом говоришь.

Папа. Мы почти не общались.

Катя. С тобой мы тоже почти не общаемся. Но если ты умрешь...

Мама. Катя!

Катя. А что? Ты не умрешь, я так понимаю?

Мама. Прекрати говорить за столом о таких вещах.

Катя. О каких таких?

Мама. О таких. Ты прекрасно меня понимаешь.

Катя. Ну, вообще-то у нас на столе дедушка стоит. Лежит. Или стоит?

Мама. Катя!

Катя. Ну что — Катя? Тебя не смущает, что на столе мертвец, а говорить о твоей смерти почему-то нельзя.

Мама. Меня смущает. И я бы хотела, чтобы эту коробку убрали куда-нибудь подальше.

Папа. Сейчас уберу.

Мама. Желательно вообще куда-нибудь из квартиры.

Папа. Из квартиры не могу.

Мама. Почему? Место в колумбарии так дорого стоит?

Папа. Не в этом дело.

Катя. Что такое колумбарий?

Папа. Я не могу в колумбарий.

Мама. Почему?

Папа. У меня завещание.

Катя. Ты написал завещание? Дай почитать.

Папа. Не я. Дедушка.

Мама. А откуда оно у тебя?

Папа. Получил несколько лет назад по почте. С пометкой: «Прочитай, когда умру».

Катя. Лаконично.

Папа. Ну и вот.

Мама. Ты прочитал?

Папа. Прочитал.

Мама. А почему ты без нас прочитал?

Папа. Потому что «прочитай», а не «прочитайте». Письмо было мне адресовано.

Мама. Надо было всё-таки подождать.

Папа. Я и так много лет ждал.

Катя. Надо было сразу читать, раз интересно было. Зачем ждать?

Папа. Затем.

Катя. Суеверный, что ли?

Папа. Типа того.

Мама. Ладно, ты прочитал. И что там?

Папа. Нам с тобой — ничего. Только Катьке.

Катя. Мне?

Папа. Да.

Мама. А почему нам с тобой ничего?

Папа. Хорошие вопросы ты задаёшь.

Катя. И что именно мне?

Папа. Квартира в Москве.

Катя. Квартира?

Папа. Квартира. Трёхкомнатная.

Мама. Эту продадим, все вместе в Москву переедем.

Папа. Ни в коем случае. Квартира Катькина.

Катя. Да, квартира моя.

Мама. Вот ещё.

Папа. Квартира её. Но с одним условием.

Катя. Это с каким?

Папа. Ты должна прах дедушки развеять на берегу моря.

Мама. Я никуда сейчас не поеду, даже на море.

Папа. Тебя никто и не отправляет. Катька одна поедет.

Мама. Ты с ума сошёл?

Катя. Я одна поеду.

Мама. Тебя вообще никто не спрашивает.

Папа. Она уже взрослая.

Мама. Это по паспорту она взрослая. Да и что это за дурь такая — развеять прах на берегу моря? Зачем?

Папа. Это последняя воля.

Мама. Ну и что? Он умер, ему всё равно. Купим в колумбарии место, пусть там и стоит. Этую квартиру продадим, на ту переедем. Где, кстати, ключи?

Папа. Какие?

Мама. Ну, от квартиры в Москве.

Папа. Они у меня.

Катя. Давай мне, они мои.

Папа. Нет. Сначала условие.

Катя. Ладно. Я съезжу и развею. Море любое?

Папа. Нет. Конкретное.

Мама. Не поедет она ни на какое море.

Катя. Ещё как поеду. Какое конкретное? Чёрное? Или где?

Мама. Прекратите сходить с ума. Никто никуда не поедет.

Папа. Нет, не Чёрное.

Катя. А какое?

Папа. На той стороне.

Мама. Что?

Катя. Я правильно сейчас услышала?

Папа. Правильно. На той стороне.

Катя. Блядь.

Мама. Какая та сторона? Ты совсем с ума сошёл, что ли?

Папа. Ничего страшного. Море на той стороне совсем близко, километров сто, не больше.

Катя. Это я одна туда пойду? Вообще без никого?

Папа. Одна.

Катя. Пиздец, родители, ну вы и придумали.

Мама. Почему это мы придумали? Я ничего не придумывала. И ты за речью своей следи, всё-таки, думай, где находишься.

Папа. Ничего. Там не так страшно, как вам кажется. Выживешь.

Катя. Пап, там вообще-то вампиры.

Мама. Да не слушай ты его. Это очередная дурацкая шутка в его стиле.

Папа. Про вампиров врут. Меньше телевизор смотри.

Мама. Прекращай цирк. Завещание твоего отца ничего не стоит, это простая бумажка.

Папа. Ты уверена?

Мама. На ней явно нет ни одной печати.

Папа. Это не имеет никакого значения.

Мама. Тем более ты столько лет с ним не виделся.

Папа. И?

Мама. Вряд ли его можно считать твоим отцом с таким отношением к тебе.

Папа. Ты ничего не знаешь.

Мама. Нечего тут знать. Он тебя бросил.

Папа. Всё намного сложнее.

Мама. И ничего не оставил тебе. Вообще ничего.

Папа. Зато Катьке оставил.

Катя. Пап, я не поеду.

Папа. Правильно, не поедешь. Пешком пойдёшь. Там не на чем ездить. И возить некому.

Мама. И слышать не хочу ничего про ту сторону. Я её не отпущу. Фиг с ней, с этой квартирой. Нет, наверное, никакой квартиры.

Папа. Есть.

Мама. Есть только ключи. Мало ли откуда они.

Папа. Смешно. У меня и адрес есть.

Мама. Да какая разница? Ты понимаешь, что Катя погибнет там? Твоя собственная дочь?

Папа. Ничего с ней не сделается, если будет правильно себя вести.

Катя. Правильно? Это как?

Папа. Я тебя потом проинструктирую. Наедине, без мамы. Она и так нервничает.

Мама. Ещё бы мне не нервничать. Хватит, слышишь? Это уже перебор, пора заканчивать.

Папа. Я и не начинал.

Мама. Боже...

Папа. Слёзы тут ни к чему. Я очень люблю своего отца. И поэтому сделаю так, как он просил.

Мама. Отправишь собственную дочь на смерть?

Катя. Папа...

Папа. Не бойся. С тобой будет дедушка, он тебя в обиду не даст.

Катя. Он же мёртвый.

Папа. Тем более.

2.

Дима. Ты когда едешь?

Катя. Я не еду. Я иду.

Дима. Да не важно.

Катя. Как раз важно. По той стороне — и пешком. Ты представляешь?

Дима. Да-а. Хотя, если честно, нет. Я там никогда не был.

Катя. Там вампиры.

Дима. Не думаю. Им там жрать некого.

Катя. Людей.

Дима. Люди туда не ходят.

Катя. Ну вот я пойду.

Дима. Ага, они там сидят и тебя одну ждут несколько лет. Делать больше нечего.

Катя. Я слышала, они как клещи, могут по сорок лет ждать.

Дима. А что, клещ сорок лет ждёт? Что-то многовато.

Катя. Кажется, сорок. Может, меньше. Но вообще долго. Сидит на ветке и ждёт, а потом прыгает сверху.

Дима. Они, вроде, в траве живут, нет?

Катя. Может, и в траве. Какая разница?

Дима. Нет никаких вампиров, не парься.

Катя. Блядь, ну почему одна? Почему отец настолько принципиальный? Вот уж не думала никогда.

Дима. И не думай. Если тебе кажется, что ты знаешь своих родителей...

Катя. Я уже ничего не знаю. Слушай, может, ты со мной пойдёшь?

Дима. Вот ещё. Ты меня, что ли, потом к себе на квартиру возьмёшь?

Катя. Не возьму.

Дима. Вот именно. Мне ещё жить хочется.

Катя. Мне тоже хочется.

Дима. Я прекрасно тебя понимаю. Но поделать ничего не могу. Ты сама говорила, что должна одна.

Катя. А как он узнает, что одна? Следить за мной, что ли, будет?

Дима. Вряд ли. Я думаю, он надеется на твою честность.

Катя. Зря. Я одна не пойду.

Дима. Я с тобой тоже не пойду.

Катя. Лучший друг называется.

Дима. У дружбы есть свои пределы, извини.

Катя. Ну да, ну да.

Дима. Прости, ничего не могу с собой поделать. Некоторые вещи сильнее меня. Инстинкт самосохранения, например.

Катя. Ладно, хорошо. Только руки убери тогда.

Дима. А что?

Катя. А ничего. Хватит с тебя. У моей дружбы тоже есть пределы.

Дима. Катюх, ну чего ты злишься? Это тут при чём?

Катя. А при том. Убери руки, я сказала.

Дима. Кать, ты понимаешь, что это шантаж натуральный?

Катя. Почему шантаж?

Дима. Потому что и так понятно, что я не могу пойти с тобой.

Катя. Боишься?

Дима. Ещё как.

Катя. Но там же нет вампиров, ты же сам говорил.

Дима. Даже если и нет.

Катя. Тогда почему?

Дима. А ты почему?

Катя. А я вампиров боюсь! Даже если их нет, я всё равно их боюсь, потому что скорей всего они там есть.

Дима. А я боюсь тех мест, в которые никто не ходит.

Катя. Туда сталкеры ходят.

Дима. Я не сталкер. И сталкеры — это не все. Сталкерами можно пренебречь, они не в счёте. И вообще — я в них не верю.

Катя. И в сталкеров не веришь?

Дима. И в них. Потому что это не сталкеры. Это идиоты.

Катя. А ты, значит, не идиот?

Дима. Я — нет. Я не лезу туда, где написано: «Не влезай — убьёт».

Катя. Там так написано?

Дима. Нет, там написано: «Переходить на ту сторону категорически запрещено». Ну, или что-то в этом роде.

Катя. Сам видел?

Дима. Ага.

Катя. Чёрт. Ты меня утешил.

Дима. Извини.

Катя. Руки убери свои.

Дима. Слушай, ну что это такое?

Катя. Если не хочешь со мной идти, то руки свои убери.

Дима. Шантаж ведь.

Катя. Шантаж. Со мной и так никто не хочет идти, а если и ты не хочешь...

Дима. Ну пиздец...

Катя. Да чего пиздец-то? Ну что мне делать? Я вообще потерялась. Мне уже не хочется ничего.

Дима. И квартиру в Москве не хочешь?

Катя. Квартиру в Москве хочу.

Дима. Ну и всё. А говоришь — потерялась. Чесноком обвешаешься вся — и вперёд.

Катя. Эти чеснока не боятся.

Дима. Да пофиг. Их всё равно нет.

Катя. А вдруг и квартиры никакой нет? Зачем тогда?

Дима. Ну, последняя воля.

Катя. Ага. Человека, которого я видела только на фотографиях.

Дима. И он тебя. Но ты ему ничего, а он тебе — квартиру.

Катя. В которую я с трудом верю.

Дима. Сгоняла бы в Москву, проверила.

Катя. Не могу, мне готовиться надо.

Дима. Готовиться?

Катя. Да, морально. Настраиваться.

Дима. Оружие будешь с собой какое брать?

Катя. Буду. Отец дал пистолет, травматический, но с близкого расстояния можно убить.

Дима. Ну вот!

Катя. Я всё равно не умею.

Дима. Стрелять не умеешь? Это легко.

Катя. Убивать не умею. Не уверена, что смогу воспользоваться, когда надо будет.

Дима. Ну да, страх парализует.

Катя. Вот.

Дима. Тебе нужно расслабиться.

Катя. Не смешно.

Дима. Я серьёзно.

Катя. Я не знаю, как это сделать. Это как идти к стоматологу, только в сто раз хуже.

Дима. А я не боюсь зубы лечить.

Катя. Ну и дурак.

Дима. Чего дурак сразу?

Катя. Того. Не боится он. А я боюсь.

Дима. Кать, не психуй.

Катя. Руки убери.

Дима. Да ладно тебе!

Катя. Ну убери же, не до этого, как ты не понимаешь?

Дима. Я понимаю. Извини.

Катя. Ничего ты не понимаешь. Тебе туда не надо.

Дима. Чему я очень рад.

Катя. То есть, тебе на меня вообще насрать, так получается?

Дима. Почему сразу насрать. Просто я трезво смотрю на вещи. В данной ситуации я тебе помочь не могу ничем, так ведь? Поэтому и не считаю правильным тратить свою психическую энергию на пустые переживания.

Катя. Психическую энергию, блядь. Друг называется.

Дима. Ты хочешь, чтобы я изобразил что-то такое? Душевные муки, да? Катька, сейчас не то время.

Катя. А какое сейчас время?

Дима. Максимально прямое и честное. Все намёки умерли давным-давно. Если ты не вернёшься, то я, конечно, буду переживать. И то...

Катя. И то?

Дима. Ну, я же не буду знать на все сто, умерла ты или нет. А если ты станешь вдруг вампиrom...

Катя. Так их же нету.

Дима. Не факт. Может, и есть. Я в них не верю, но это не значит, что их нет. Вполне возможно, что я ошибаюсь.

Катя. Ну хорошо, стану я вампиrom. Что тогда?

Дима. Ну, во-первых, я всё равно об этом не узнаю.

Катя. А во-вторых?

Дима. А во-вторых всё станет очень сложно.

Катя. А подробнее?

Дима. Если тебя укусит вампир, ты не умрешь. Но человеком уже не будешь. То есть, получится так, что Катя вроде и есть, но вроде её и нет. Поменяешь плюс на минус.

Катя. И, конечно, твоё отношение ко мне тоже изменится с плюса на минус?

Дима. А как же. Я же человек, а не вампир. Я не готов стать вампиrom даже из любви к тебе.

Катя. А ты меня любишь?

Дима. Ну, пока ты не вампир.

Катя. Любишь?

Дима. Да. По-своему.

Катя. Ах, по-своему!

Дима. Каждый любит по-своему. Хотя, честно говоря, я в любовь вообще не верю.

Катя. То есть, нет её?

Дима. Нет. Нету.

Катя. А что тогда есть? Во что ты веришь?

Дима. Я верю в привязанность.

Катя. Хорошо. А что такое привязанность?

Дима. Чистой воды химия.

Катя. Я в это не верю.

Дима. Это как тебе угодно.

Катя. Ты какие-то ужасно обидные вещи сегодня говоришь.

Дима. Я их всегда говорю. Просто ты внимания не обращала.

Катя. А сегодня почему обращаю?

Дима. Потому что напугана. И открыта с другой стороны.

Катя. То есть?

Дима. Ну как улитка, у которой в ракушке не один вход, а несколько.

Катя. Не понимаю.

Дима. Страх смерти закупорил твой главный вход — или выход, как угодно — и открыл другой, из которого на мир смотрит сырое мясо. Мясу больно, мясо обращает внимание на любое прикосновение. Даже ласковые поглаживания кажутся мясу болезненными тычками.

Катя. Сам ты мясо.

Дима. Я образно.

Катя. Руки убери, пожалуйста.

Дима. Ну вот видишь, я же говорил. Я нежно, а тебе не нравится.

Катя. Не до этого сейчас.

Дима. Вот-вот.

Катя. И потом, ты в любовь не веришь.

Дима. А при чём тут вообще любовь?

Катя. А что это тогда?

Дима. Ну... если ты не будешь меня отпихивать, то это будет секс.

Катя. Ага, сейчас. Разбежался.

Дима. Ты против?

Катя. Я против. Ты не за меня, не со мной, и поэтому я против.

Дима. Я за тебя.

Катя. Ты только за себя.

Дима. Ой, ну это мы уже столько раз слышали. Кать, каждый сам за себя, понимаешь?

Это как дважды два, это даже малые дети знают.

Катя. Я не знаю.

Дима. Ну вот, я тебе расскажу. И докажу, кстати, что в данном случае тебе на меня вообще плевать, ты только о себе думаешь.

Катя. Почему это?

Дима. Потому. Если у тебя всё получится, то ты переедешь в Москву, а я останусь здесь. Это и так понятно. Если я тебе помогу, и всё у нас получится, то ты переедешь в Москву, а я всё равно останусь здесь, понимаешь? Ты меня не возьмёшь с собой никогда, потому что кто я такой?

Катя. Ты — мой лучший друг.

Дима. Весьма сомнительное заявление. Слова, слова.

Катя. Ну а кто тогда?

Дима. Мы просто иногда спим вместе.
Катя. У меня, кроме тебя, никого нет.
Дима. Не сомневаюсь.
Катя. Ты — единственный человек, которого я могу назвать другом.
Дима. Слова, слова, словечки. Друг. Не друг.
Катя. Дим...
Дима. Да, Катюш.
Катя. Ты не пойдёшь?
Дима. Куда?
Катя. На ту сторону. Со мной.
Дима. А. Нет, не пойду.
Катя. Ну и ладно.
Дима. Не дуйся. Мы тебе по объявлениям проводника найдём.
Катя. То есть?
Дима. Какого-нибудь охотника на вампиров.
Катя. Такие бывают?
Дима. Я думаю, да. Если бывают вампиры.
Катя. Правда, найдём?
Дима. Конечно. Легко.
Катя. Ну хорошо. Задёрни шторы тогда, мне не нравится, когда светло.
Дима. Не вопрос. Ты уже мокрая?
Катя. Эй, что за вопросы вообще?
Дима. Можно, я проверю?
Катя. Можно, только без разговоров.
Дима. Не нужно смущаться.
Катя. Слушай, иди ты...
Дима. Уже иду.

3.

Катя. Скажите, а вы их видели?
Охотник. Давай на «ты».
Катя. Хорошо, давай. Ты их видел?
Охотник. Кого именно?
Катя. Вампиров.
Охотник. Смотря каких.
Катя. А они что, разные, что ли?
Охотник. Конечно.
Катя. Ничего себе.
Охотник. Чаще всего попадаются шептуны. Их я не только видел, но и убивал.
Катя. А почему шептуны?
Охотник. Они слабенькие. Еле ползают. И говорить почти не могут, только шепчут.
Катя. А.
Охотник. Но их всё равно нужно убивать, потому что даже они опасны.
Катя. Кусаются?

Охотник. Кусаются. Если зазеваешься, могут запросто ногу откусить.

Катя. Ого.

Охотник. А ты думала.

Катя. Мой приятель в них не верит.

Охотник. В шептунов?

Катя. Вообще в вампиров. И папа не верит.

Охотник. Это потому что они здесь не были никогда.

Катя. А зачем сюда вообще ходить? Здесь пусто и холодно.

Охотник. Это первые несколько километров. Потом будет город.

Катя. В нём что, люди живут?

Охотник. Представь себе. Местные.

Катя. А как же вампиры?

Охотник. А они привыкли.

Катя. К местным?

Охотник. Нет, местные к вампирам.

Катя. Это ладно, это их дело, но вы-то сюда зачем ходите?

Охотник. А у нас с местными договор. За каждого убитого вампира мы получаем плюс, за каждые сто плюсов — какой-нибудь артефакт.

Катя. Прямо компьютерная игра.

Охотник. Да. Только сохраниться нельзя. И если умираешь, то на самом деле.

Катя. А скажи, вот у тебя на руке двух пальцев не хватает — это вампир откусил, да?

Охотник. Да. Шептун.

Катя. Чёрт.

Охотник. Было больно.

Катя. Я представляю.

Охотник. Не думаю. У тебя все пальцы на месте.

Катя. Ну, я образно, что ли. Короче, я верю, что это больно. А кроме шептунов, какие ещё бывают?

Охотник. Бывают летуны, но редко. Я только двух за всё время видел.

Катя. Они что, с крыльями?

Охотник. Нет, они просто летают. Бесшумно. Прыгают тебе на спину и откусывают голову.

Катя. Чёрт.

Охотник. Не вертись, всё равно не заметишь. Они ждут, когда ты задумаешься.

Катя. Страшно.

Охотник. Конечно, страшно. Мне тоже страшно. Но летуны бывают редко.

Катя. А как ты их вообще увидел, если они сзади нападают и бесшумно?

Охотник. Одного видел ещё в самом начале. Сидел в засаде, в яме, накрытой сухой травой. Мимо шёл местный. Летун меня, видимо, не заметил, поэтому свалился сверху на местного и оторвал ему башку. Я успел выстрелить, но не попал.

Катя. А второй случай?

Охотник. Второй случай... Второй летун убил мою жену.

Катя. О. Прости.

Охотник. Ничего. Всё равно я виноват. Мы тогда шли по оврагу, по пояс в траве. Я захотел отлизь. Неопытный был ещё, отвернулся по привычке. Когда ширинку расстёгивал,

услышал удар и хруст. Поворачиваюсь, а она уже без головы, только кровь хлещет мне на ботинки.

Катя. Блядь.

Охотник. Ничего-ничего. На вот, вытри лицо. Я тогда тоже проблевался.

Катя. Как ты с этим живёшь вообще?

Охотник. Живу. Это мне такой урок был: никогда не спрятай нужду на открытом месте.

Катя. Это что получается, если я вдруг сейчас поссать захочу, не говоря уже о других делах...

Охотник. Будешь делать все свои дела спокойно, я тебя прикрою.

Катя. Я не хочу, чтобы ты смотрел, как я это делаю.

Охотник. Если жить хочется, то придётся привыкать.

Катя. Мне всё лучше и лучше, твою мать.

Охотник. Я тебе говорю, летуны бывают редко. Так что можешь не бояться так сильно. Тем более, я смотрю.

Катя. По-моему, ты себе под ноги смотришь.

Охотник. Я долго тренировался и развил круговое зрение, не зависящее от глаз.

Катя. Я тебе не верю.

Охотник. Как хочешь.

Катя. Блядь, мне страшно!

Охотник. Мне тоже страшно. Не боятся только местные.

Катя. Если у тебя круговое, как ты говоришь, зрение, то как ты тогда проворонил того летуна, который твою жену убил?

Охотник. Тогда у меня ещё не было кругового зрения. Я был любителем.

Катя. А сейчас ты кто?

Охотник. Сейчас я профессионал. У меня даже сертификат есть.

Катя. Бумажка с печатью. Вот дура, на что подписалась..?

Охотник. Не трясишь ты так.

Катя. Зачем я у тебя про них спрашивала? Лучше бы не знала ничего.

Охотник. В принципе, да, разницы никакой. И так и так умрешь, по-любому.

Катя. Это сарказм, насколько я понимаю?

Охотник. Типа того.

Катя. Чёрт. Еблась бы она конём, эта квартира.

Охотник. Что? Какая квартира?

Катя. Не важно. Может, назад пойдём? Ещё не поздно назад пойти?

Охотник. В смысле?

Катя. Ну, я не хочу никуда идти. Я домой хочу. Я вот в эту лужу всё высыплю, и домой пойдём, хорошо?

Охотник. Прекрати истерить. Что ты там хочешь в лужу высыпать, зачем?

Катя. Это мои дела.

Охотник. Ты понимаешь, мне не вопрос сейчас тебя здесь оставить и уйти. Если ты трястись не перестанешь. И нормально разговаривать не начнёшь.

Катя. Как — оставить?

Охотник. Да запросто.

Катя. Не надо меня здесь оставлять, ты что!

Охотник. Тогда прекрати колотиться.

Катя. Понимаешь, когда я шла сюда, я не совсем верила в это место. Думала, что это так всё, фигня. Как бы верила, но наполовину.

Охотник. Ещё бы. Многие из тех, кого я водил, продолжали не верить даже здесь. Просили их разбудить, особенно когда шептуны со всех сторон лезть начинали.

Катя. Я не думаю, что сплю. Я знаю, что это всё на самом деле. Но...

Охотник. Но крыша едет, я знаю. А ты просто прекрати себя уговаривать в это поверить, воспринимай как игру. Относись проще.

Катя. Когда портал проходишь, то кажется, что просто через арку за город вышел, в поле. Но когда обрачиваешься и видишь, что за твоей спиной тоже поле, никакого города нет...

Охотник. Это у тебя сейчас шок, тебя понимание догнало наконец, что такое может быть.

Катя. Да, сначала просто смешно. Хоть и немножко страшно. А теперь уже просто страшно.

Охотник. Да ты вроде как успокоилась.

Катя. Угу. Отпустило чуть.

Охотник. Ну и славно. Давай сюда свой рюкзак, я понесу.

Катя. Я сама.

Охотник. Как скажешь. Пошли. Быстрее. Нам нужно успеть в укрытие до темноты. Ночью в поле нельзя.

Катя. Шептуны?

Охотник. Хуже. Красноглазые.

Катя. Я даже знать не хочу про них ничего. Идём.

Охотник. Бывают ещё бегуны, но эти ближе к закату.

Катя. Хватит. Не хочу ничего слышать ни про каких вампиров.

Охотник. Закат, кстати, уже скоро.

Катя. Блядь. Помолчи.

Охотник. Не вопрос.

Катя. Ладно. Извини. У меня только один вопрос.

Охотник. Давай.

Катя. Почему, собственно, вампиры? Вампиры же с клыками, кровь сосут, в зеркале не отражаются. Чеснока боятся. А тут какие-то летуны, бегуны, красноглазые.

Охотник. Ещё много видов.

Катя. Не важно. Это же не вампиры, это просто хищные существа какие-то.

Охотник. Не совсем. Во-первых, они разумные. Во-вторых, похожи на людей.

Катя. А в третьих?

Охотник. А в третьих, среди них попадаются и заразные.

Катя. Можно стать одним из них?

Охотник. Можно. Если выживешь.

Катя. Ты же не стал шептуном.

Охотник. Не стал. Мне повезло.

Катя. Чёрт. Чур я тогда буду бегуном. Люблю закат.

Охотник. Из тебя получится хороший бегун. С такими-то ногами.

Катя. Да. Хорошие ноги. Хочется их сохранить на подольше.

Охотник. Не вопрос. Держись меня, сохранишь не только ноги.

Катя. Э, ты руки не распускай!

Охотник. Да я только погладил.

Катя. Ну раз погладил, то убирай тогда уже руку давай.

Охотник. Красивая попа.

Катя. Не жалуюсь. Красивая, но не твоя. Ещё раз дотронешься — выстрелю.

Охотник. О.

Катя. Да, это пистолет.

Охотник. Травматический.

Катя. Не важно. Стрелять буду вот сюда.

Охотник. Да ладно тебе. Я пошутил.

Катя. Больше так не шути. Смотри, там какая-то точка в небе.

Охотник. Где?

Катя. У тебя же круговое зрение. Ты не видишь, что ли?

Охотник. Неа. Слушай, ну чего тебе стоит?

Катя. Ты о чём?

Охотник. Убери пистолет.

Катя. Там какая-то хрень летит чёрная. Птица, что ли?

Охотник. Убери пистолет. Тебе жалко разве?

Катя. Да о чём ты?

Охотник. Перепихнёмся разочек и дальше пойдём.

Катя. Охуел, что ли? Блядь, эта штука увеличивается. Она сюда летит.

Охотник. Только разок. У меня так давно женщины не было.

Катя. Она сюда летит! Это летун, это летун, твою мать!

Охотник. Да не может быть никакой... Хррррррр...

Катя. Ааа!!! Твою мать! Твою мать! Аааааа!!! Мамочка!..

4.

Вампир. Ну, и чего ты кричишь?

Катя. Я уже не кричу.

Вампир. Ладно, не кричишь. Зачем кричала?

Катя. Ты ему голову откусил.

Вампир. Подумаешь. Делов-то.

Катя. Да уж.

Вампир. Такая там была голова.

Катя. Живая. Была.

Вампир. Живая. Но без мозгов. Типичная голова типичного сказочника.

Катя. В смысле?

Вампир. Да в прямом. Знаем мы таких. Такие только пиздят. Сертификат тебе показывал?

Катя. Да.

Вампир. Бумажка с печатью. Про круговое зрение заливал, наверное, да?

Катя. Да. А ты откуда знаешь?

Вампир. Я его мозги ел. Я теперь про него всё знаю.

Катя. Так он не охотник?

Вампир. Нет. Он сказочник.

Катя. А пальцы?

Вампир. Что — пальцы? Пальцы ему на заводе фрезой отрезало.

Катя. А жена его?

Вампир. Не было у него никакой жены. У таких не бывает жён.

Катя. Не понимаю.

Вампир. Да что тут понимать. Типичный извращенец.

Катя. Подожди, а как тогда... ну вот всё то, что он мне про это место задвигал?

Шептуны всякие, бегуны.

Вампир. Ага. Летуны.

Катя. Да.

Вампир. Сказки всё.

Катя. Подожди, а ты тогда — кто?

Вампир. Я? Хм. Вампир.

Катя. Так всё-таки вампиры бывают?

Вампир. Ну да, почему нет?

Катя. А как тогда... Не понимаю. Я запуталась.

Вампир. Он тебе просто чужие байки пересказывал. Никогда не ведись на рассказы профессионала. Настоящий профессионал не разговаривает, он молча делает дело. А этот — так, болтун.

Катя. Бля...

Вампир. Вот тебе и бля. По объявлениям хорошего охотника не найдёшь.

Катя. А откуда ты...

Вампир. Не забывай, я ел его мозг. Я всё про него знаю. Рано состарившийся закомплексованный неудачник.

Катя. Так он вообще, что ли, не охотник?

Вампир. Смеёшься? Он первый раз здесь. Был.

Катя. Вот я попала...

Вампир. Попал он. Типичный сетевой дроcher. Как ты сразу этого не поняла?

Катя. Я их не видела никогда раньше. Я не знаю, какие они должны быть.

Вампир. Они должны быть живыми сейчас. А я должен быть мёртвым. Хотя не обязательно.

Катя. Подожди.

Вампир. Я не тороплюсь.

Катя. Ты — вампир?

Вампир. Да, я — вампир. Это, по-моему, очевидно.

Катя. Ты — летун?

Вампир. В данный момент уже нет. Я же не лечу. Я сижу с тобой рядышком. Тебе, кстати, не противно на тело без головы смотреть?

Катя. Да как-то нет.

Вампир. У тебя шок.

Катя. Наверное.

Вампир. Понимаешь, когда я летаю, то я — летун. Когда бегаю — бегун. А когда лежу...

Катя. Лежун.

Вампир. Типа того.

Катя. А ночью — красноглазый.

Вампир. Ага. Глаза просто светятся.

Катя. Как у кошки.

Вампир. Нет, у кошки глаза не светятся, а просто отражают свет. А у меня именно что светятся. Как угольки.

Катя. Страшно, наверное.

Вампир. Не знаю. Мне нет.

Катя. Ладно. А шептуном ты когда бываешь?

Вампир. Когда объемся. У меня, к сожалению, нет чувства меры. Не развито. Ни у кого из нас.

Катя. Жрёшь, пока не лопнешь?

Вампир. Не совсем. Просто замедляюсь. Начинаю засыпать.

Катя. Понятно.

Вампир. Да. Ничего сложного. Если бы этот фальшивый охотник меньше торчал на форуме «Та сторона», а больше реально на ту сторону ходил... Был бы живой. И в нас бы разбирался. Не вешал бы тебе лапшу.

Катя. Слушай, а почему ты меня не ешь?

Вампир. Не хочу.

Катя. Сейчас не хочешь или вообще не хочешь?

Вампир. Сейчас не хочу.

Катя. Спасибо.

Вампир. Да на здоровье. Ты к морю шла?

Катя. К морю.

Вампир. Ну пошли дальше, что ли.

Катя. С тобой?

Вампир. Со мной. А чем я этого дрочера хуже? Приставать к тебе не буду, мои гениталии всё равно к твоим не подходят.

Катя. Даже так?

Вампир. Ага.

Катя. Покажешь?

Вампир. Гениталии?

Катя. Да.

Вампир. Ничего интересного, на самом деле.

Катя. Ну всё равно.

Вампир. Ладно.

Катя. Ого. Ничего себе. Похоже на какое-то хищное растение.

Вампир. Возможно. Я в растениях не очень разбираюсь.

Катя. Я тоже.

Вампир. Этот мудак, которому я голову сгреб, тоже не разбирался.

Катя. Как я вообще могла ему поверить...

Вампир. Сертификат. Вы, люди, привыкли доверять бумажкам с печатями.

Катя. А ты не человек?

Вампир. Нет, конечно.

Катя. Послушай, а если ты меня укусишь, я стану такой же? Ну, как ты?

Вампир. Вряд ли. Но можно попробовать.

Катя. А от чего это зависит?

Вампир. От разных вещей. Даже от погоды.

Катя. От погоды?

Вампир. Ну да. Если, например, облачно, то ничего не получится.

Катя. Ерунда какая-то.

Вампир. Не забывай, ты на той стороне. Тут всё по-другому.

Катя. Я понимаю.

Вампир. Это тебе кажется, что ты понимаешь. Этот гондон тоже думал, что понимает.

Катя. Зачем ты меня с ним сравниваешь?

Вампир. Ну, ты — особь, и он — особь. Вы похожи.

Катя. А ты — не особь?

Вампир. Нет, я часть большого конгломерата, если ты понимаешь, о чём я.

Катя. Не знаю. Я устала.

Вампир. У тебя точно шок.

Катя. Да. Не каждый день у тебя на глазах отрывают голову другому человеку.

Вампир. Этот урод пошёл с тобой сюда только для того, чтобы тебя трахнуть.

Катя. Всё равно.

Вампир. Он жалкое существо. Забудь про него. Ему никто не давал. Тебе не повезло, ты выбрала именно его.

Катя. Странно. Когда он рассказывал о своей жене...

Вампир. Не было никакой жены.

Катя. Не важно. Когда он о ней рассказывал, меня вырвало. А когда ты так запросто оторвал ему голову — у меня даже спазмов никаких не было в желудке.

Вампир. Ну, нечем было тошнить уже — и всё.

Катя. Мне его жалко.

Вампир. Он хотел тебя трахнуть, запомни. Только ради этого и шёл сюда.

Катя. Пусть так. Я ему поверила. И вот его нет уже. Получается, это из-за меня всё.

Вампир. Ну прямо!

Катя. Я виновата в смерти человека.

Вампир. Вообще-то, если ты помнишь, то это я его убил. И правильно сделал, кстати.

Катя. Убивать людей нельзя.

Вампир. Если бы не я, то ты бы его убила.

Катя. То есть?

Вампир. Ну а кто тут несколько минут назад пистолетом размахивал?

Катя. Это травматический пистолет. Нужно постараться, если убить захочешь.

Вампир. Ну покалечила бы, какая разница? Впрочем, и так калека.

Катя. А если я в тебя сейчас выстрелю?

Вампир. Зачем?

Катя. Просто так. Потому что ты вампир, например.

Вампир. Да ради бога. Меня пуля не берёт. Особенно травматическая.

Катя. А серебряная?

Вампир. И серебряная.

Катя. А если кол в сердце?

Вампир. Бесполезно. Хоть сто колов.

Катя. Ладно. Не будем кол. Чем тогда?

Вампир. Оружия против меня нет. Есть только способ.

Катя. И какой же?

Вампир. Меня можно затанцевать.

Катя. Насмерть?

Вампир. Насмерть. Понимаешь, так я устроен, не могу перед танцем устоять. Если вдруг кто-то для меня танцевать начинает, то и у меня ноги сами в пляс идут, как не мои. Лучшие охотники, кстати, из народных плясунов.

Катя. Ты меня разыгрываешь.

Вампир. Да зачем же? Вампиры никогда не врут и никого не разыгрывают.

Катя. Это какой-то бред натуральный. Какие танцоры? О чём ты вообще?!

Вампир. Я же тебе говорил — народные. Они редко, кстати, по одному ходят. Обычно командой: гармонист, ложечник и танцор. Под музыку, всё-таки, легче танцевать. Потому что по несколько часов приходится наяривать, чтобы меня, например, свалить. Ну, или не меня. Кого-нибудь из нас.

Катя. Ну хорошо, убили тебя. А потом что? Этот ненастоящий говорил, что охотники сдают мёртвых вампиров местным, получают за каждого плюс...

Вампир. А за сотню плюсов — какой-нибудь артефакт. Да. Всё правильно. Только местные — это мы.

Катя. В смысле?

Вампир. Ну мы. Вампиры.

Катя. Не понимаю. Охотники убивают вампиров и отдают их вампирам?

Вампир. Совершенно верно.

Катя. Зачем?

Вампир. А это весело. Они же не знают, что местные — это мы.

Катя. Но они же убивают вас?

Вампир. Ну и что? Мы к смерти по-другому относимся. Я тебе говорил уже, что ты — особь, а я — нет. Я — часть конгломерата.

Катя. Но вас же, в конце концов, могут всех убить до одного?

Вампир. Мы и так — один. Мы — никто, нас нет.

Катя. Мне кажется, ты намеренно меня запутываешь.

Вампир. У каждой цивилизации свои особенности. Я тебя не запутываю, я пытаюсь как-нибудь объяснить.

Катя. Я думаю, ты намерен меня сожрать. Ждёшь, когда я расслаблюсь и отвернусь.

Вампир. Вот ещё. Если бы я хотел тебя съесть, я бы тебя съел.

Катя. Ты всё врёшь.

Вампир. Я не умею врать.

Катя. Всё это место врёт. Небо врёт. Земля врёт. Каждая травинка врёт. Даже воздух врёт, потому что он не такой, как дома. И ты — врёшь.

Вампир. У тебя опять истерика. Но это нормально. Здесь со всеми такое. Другой мир, всё-таки.

Катя. Кто ты такой?

Вампир. Я? Вампир. Я же тебе говорил уже.

Катя. Мне показалось, что ты летал.

Вампир. Тебе не показалось, я на самом деле летал.

Катя. Люди не могут летать.

Вампир. Я не человек.

Катя. Ты не похож на кого-то другого. Ты похож на человека.

Вампир. Похож. Волк тоже похож на собаку.

Катя. Вампиров не бывает.

Вампир. Я понимаю, я не раз уже наблюдал подобное. Твоя психика отчаянно защищается, пытаясь собрать воедино твою привычную картину мира, которая расплзается по швам. Ай! Это ты напрасно. Я говорил тебе, что в меня бесполезно стрелять из травматика. Ай! Ну хватит же, больно!

Катя. Мне плохо.

Вампир. Именно поэтому ты в меня стреляешь?

Катя. Я больше не буду.

Вампир. И не надо.

Катя. Мне нужно к морю. Дедушка завещал мне свою квартиру в Москве. Но с одним условием.

Вампир. С каким?

Катя. Я должна развеять его прах на берегу вашего моря.

Вампир. Хренъ какая-то.

Катя. Вот я тоже так думаю. Неужели нельзя было просто мне квартиру оставить? Он же мёртвый, ему же всё равно теперь, где я его прах высыплю.

Вампир. Абсолютно всё равно.

Катя. Зачем я сюда попёрлась?

Вампир. Ну, не знаю. Любила дедушку?

Катя. Да, в общем, нет. Я его и не видела никогда. Только на фото.

Вампир. Надо было где-нибудь в мусор высыпать, погулять пару дней и домой вернуться с пустой урной. Или без урны. Если тяжёлая.

Катя. Да нет. Коробочка такая. Не очень большая.

Вампир. А ты открывала?

Катя. Нет, а зачем? Там же пепел. Зачем он мне?

Вампир. А вдруг не пепел?

Катя. Как — не пепел?

Вампир. Ну так. Ты же не открывала.

Катя. Я открою только у моря. Дедушка же.

Вампир. Ты сама говорила, что он мёртвый и ему всё равно.

Катя. Да, абсолютно всё равно. Только меня кидает из стороны в сторону. Не могу понять, что я чувствую.

Вампир. А ты чувствуешь? Ты это умеешь делать?

Катя. А почему нет?

Вампир. Ты не путаешь случайно чувства с сомнениями в этих чувствах?

Катя. Не знаю.

Вампир. Ты вообще есть?

Катя. Не знаю.

Вампир. Тебе было страшно, ты помнишь?

Катя. Смутно. Это как будто была не я.

Вампир. Ты и сейчас как будто не ты. Кто ты?

Катя. Катя.

Вампир. Это слово, набор звуков. Кто ты?

Катя. Я не знаю. Мне как-то непривычно.

Вампир. Ещё бы. Ты за пределами привычной схемы. Здесь нет твоих родителей, нет твоего дома. Твоих университета и работы тоже нет. Нет твоего парня.

Катя. Он мне не парень. Мы просто спим иногда.

Вампир. Тем более. Здесь нет ничего, что там являлось тобой. Нет твоих устоявшихся отношений с миром. Поэтому ты не знаешь, как себя вести, и не чувствуешь уже даже страха.

Катя. Мне никак.

Вампир. Это называется апатия.

Катя. Мне кажется, я сейчас умру. Мне спать хочется.

Вампир. И правильно. Закрывай глаза. Сейчас мы полетим к морю.

5.

Катя. В коробке не было никакого пепла.

Мама. А что там было?

Катя. Старые фотографии.

Папа. Дедушкины?

Катя. Не знаю. Я не уверена.

Папа. Много фотографий?

Катя. Штук сто. Тесёмкой такой перевязаны. Были.

Мама. Так. И где же они?

Катя. Я их сожгла.

Папа. Зачем?

Катя. Исполняла последнюю волю. Развеивала пепел на берегу моря.

Мама. Но ты же сама сказала, что не было никакого пепла?

Катя. Не было. Я его сделала из фотографий.

Папа. Это ты, конечно, зря. Там могли быть редкие фото.

Катя. Я думаю, это были как раз очень редкие фото.

Мама. Эх, надо было оставить.

Катя. Мне нужна была квартира в Москве.

Мама. Если не было пепла, то, может, и нет никакой квартиры.

Папа. Вот ключи. Квартира твоя.

Катя. Спасибо.

Папа. Ты плохо выглядишь, Катюша.

Катя. Это потому что я скоро умру, папа.

Мама. Не надо так говорить. Ты просто устала. Хочешь, мы поедем с тобой в Москву?

Катя. Вам там нечего делать.

Папа. Она права. Мы уже слишком старые для переездов.

Мама. Тебе ещё пятидесяти нет, о чём ты говоришь?

Папа. Мне всё-таки интересно, что было на тех фотографиях.

Катя. Ничего особенного. Люди. Как обычно.

Папа. Может, там был дедушка в молодости.

Катя. Вряд ли. Ни одного знакомого лица. Впрочем, ваши лица мне тоже не очень знакомы. Вы вообще кто?

Мама. Мы твои мама и папа.

Папа. Да, и папа.

Катя. Это слова всё. Сами-то вы кто?

Папа и Мама. Я не знаю...

Катя. Вот именно.

Папа и Мама. ...как тебе ответить на этот вопрос.

Катя. Хотите, я вас укушу?

Костёр

Журналист. Добрый день.

Заведующий костром. Здравствуйте.

Журналист. Я пишу книгу о людях необычных профессий. Например, о таких, как вы. Если вы не против, мы можем с вами немного поговорить.

Заведующий костром. Я не против, давайте поговорим.

Журналист. Я не сильно вас отвлекаю?

Заведующий костром. Да нет, сейчас как раз что-то вроде небольшого перерыва между доставками.

Журналист. Хорошо. Вот вы только что сказали про доставки, вы можете немного подробнее рассказать про эти доставки? Что именно доставляют и куда? Вас диктофон не смущает, нет?

Заведующий костром. Не смущает. У меня никаких секретов всё равно нет.

Журналист. И так, про доставки — что это?

Заведующий костром. Как вы уже, наверное, поняли, я — главный по костру. По этому костру. У нас это называется «Заведующий костром». Вот этот костёр мой, я за него отвечаю.

Журналист. Так, хорошо. Но мне бы хотелось про доставки.

Заведующий костром. Не переживайте, мы плавно к ним перейдём.

Журналист. Хорошо, хорошо, я поняла.

Заведующий костром. Дело в том, что начинать в любом случае нужно с костра. Костёр в нашем деле всему голова.

Журналист. Это вы хорошо сейчас сказали, красиво.

Заведующий костром. Ну, может, вы и не помните, но раньше так про хлеб говорили, а я перефразировал.

Журналист. Нет, не помню.

Заведующий костром. Это давно было, так что вам простительно, вы молоды.

Журналист. Спасибо на добром слове.

Заведующий костром. Ну так вот, как я уже сказал, в нашем деле костёр всему голова. И этот конкретный, мой костёр, и вообще всё наше предприятие, которое мы тоже называем костром.

Журналист. А сколько примерно здесь вообще костров?

Заведующий костром. Почему примерно? Я вам точно скажу. Восемьдесят две тысячи триста сорок два костра.

Журналист. Ого, так много. Это получается, что мы сейчас не все костры видим?

Заведующий костром. Не все, конечно. Они есть и за тем горизонтом, и за тем, и за вот этим.

Журналист. Огромное поле, на котором одни только костры?

Заведующий костром. Да, поле, поделённое на квадраты с порядковыми номерами, на каждом квадрате, как вы уже понимаете, наверное, — свой костёр.

Журналист. А какой у вас порядковый номер?

Заведующий костром. У меня — девятнадцать тысяч пятьсот пятьдесят третий квадрат.

Журналист. Хороший номер.

Заведующий костром. Самый обыкновенный, не хуже чем у других.

Журналист. Скажите, а зачем эти номера вообще нужны?

Заведующий костром. Чтобы доставщики не путались.

Журналист. Вот, хорошо, мы наконец подобрались к доставкам. Что именно доставляют доставщики?

Заведующий костром. Самый разнообразный материал для сжигания.

Журналист. Например?

Заведующий костром. Ну, например, я сжигаю только старые фотографии.

Журналист. Это ваша специализация?

Заведующий костром. Можно и так сказать.

Журналист. Хорошо. А что ещё сжигают на этом поле? Кроме старых фотографий?

Заведующий костром. Ну вот, например, в квадрате справа сжигают потерявшиеся на почте письма.

Журналист. Очень интересно. А в квадрате слева?

Заведующий костром. В квадрате слева — мягкие игрушки с оторванной правой лапой.

Журналист. Даже так?

Заведующий костром. Это ещё что, вот, скажем, в триста двадцать восьмом квадрате сжигают забытых в спичечных коробках насекомых. Трудный квадрат, приходится работать в респираторе.

Журналист. Почему?

Заведующий костром. Дыма очень много.

Журналист. А у вас как с этим?

Заведующий костром. У меня проще. Фотографии горят быстро.

Журналист. Хорошо, понятно. А сколько вообще доставок бывает за день, если не секрет?

Заведующий костром. Ну, в зависимости, конечно, от наличия материала.

Журналист. Ну сколько? В среднем?

Заведующий костром. До тридцати.

Журналист. Много.

Заведующий костром. Да, работы хватает.

Журналист. А бывает так, что пристаиваете?

Заведующий костром. На моё веку ещё не было такого. Бывало меньше доставок, но пристаивать не приходилось.

Журналист. Вы, наверное, устаете нереально просто. Сколько часов в день вы работаете?

Заведующий костром. Где-то около двенадцати, я не считал.

Журналист. А как же вы узнаёте, что ваш рабочий день закончился?

Заведующий костром. Очень просто. Приходит мой сменщик. Он заведует костром по ночам.

Журналист. А, так вы работаете по сменам.

Заведующий костром. Да.

Журналист. Я думала, ночью ваше предприятие останавливается.

Заведующий костром. Нет, вы что, мы не имеем права. Костёр не должен гаснуть, это главное правило вообще.

Журналист. Хорошо, а если дождь?

Заведующий костром. На этот случай у меня есть специальный, пропитанный асбестом тент.

Журналист. А, скажем, сильный ветер? Ураганный?

Заведующий костром. В случае ураганного ветра я поднимаю специальные заслоны вокруг костра. Костёр должен гореть, работа должна продолжаться.

Журналист. У вас, я смотрю, всё продумано.

Заведующий костром. Ещё бы. Не первый год работаем.

Журналист. Ну хорошо. Это у вас что такое, вот это длинное?

Заведующий костром. Это у меня кочерга. С её помощью я управляю интенсивностью горения костра.

Журналист. А какие ещё инструменты вы используете?

Заведующий костром. Есть ещё утаптыватель. Вот он.

Журналист. Похоже чем-то на лопату.

Заведующий костром. По сути, это и есть лопата, только с видоизменённой лопастью. Она шире и перпендикулярна по отношению к черенку.

Журналист. Интересно. А вы можете мне сейчас продемонстрировать, как вы вообще орудуете этим вашим утаптывателем?

Заведующий костром. Без проблем. Смотрите. Вот. Вот. И вот. Ровняю костёр, держу его в положенных пределах.

Журналист. Красиво. Приятно смотреть, как вы работаете.

Заведующий костром. Спасибо.

Журналист. Мне ещё вот что интересно. Насколько я понимаю, должен накапливаться остаток, который не поддаётся горению. Так называемый пепел или зола, я не знаю, как правильно.

Заведующий костром. Мы говорим пепел.

Журналист. Да, хорошо, пепел. Куда вы его деваете?

Заведующий костром. На моём квадрате пепла почти не бывает, кроме, разве что, летучего. Он оседает на землю, я раз в несколько дней сметаю его в кучу и уношу с собой после смены.

Журналист. Куда именно уносите, если не секрет?

Заведующий костром. Вы понимаете, я работаю здесь уже много лет, почти с самого детства. Костёр — это моя жизнь.

Журналист. Это всё хорошо, конечно, но только давайте без общих фраз. Вы можете мне конкретно ответить, что вы делаете с этим пеплом?

Заведующий костром. Ну, как вам сказать.

Журналист. Говорите прямо, не виляйте.

Заведующий костром. Я не виляю.

Журналист. Если не хотите говорить, то не говорите, делов-то. Не вам же книгу потом писать. Вас, конечно, не волнует, что статья о вашей профессии будет в таком случае кущей и сухой. Это же не ваши заботы.

Заведующий костром. Вы меня простите. Просто в некоторых вещах сложно признаваться.

Журналист. Ну говорите же уже!

Заведующий костром. Я беру его к себе домой.

Журналист. И?

Заведующий костром. Завариваю и пью. Как чай.

Журналист. Пепел?

Заведующий костром. Пепел.

Журналист. И чего вы стеснялись?

Заведующий костром. Ну как. Не все же так делают.

Журналист. Ну вы же не детей ебёте.

Заведующий костром. Простите, что вы сказали?

Журналист. Я говорю, вы ничего страшного не делаете. Это даже романтично.

Суровый человек и его непростая профессия. Красиво, красиво.

Заведующий костром. Что красиво?

Журналист. Вы красивый. Ваш костёр красивый. Всё, что вы делаете, это красиво и хорошо.

Заведующий костром. Вы надо мной сейчас издеваетесь?

Журналист. С чего вы взяли? Я вами восхищаюсь. Не забывайте, я пишу книгу о людях необычных профессий. Я не могу издеваться над тем, что мне интересно.

Заведующий костром. Ну, может, мне показалось.

Журналист. Вам показалось. У нас ещё есть время?

Заведующий костром. Да, следующая доставка будет примерно минут через десять.

Журналист. Это хорошо. Тогда я задам вам ещё несколько вопросов, если вы не против.

Заведующий костром. Нет, конечно, я за.

Журналист. Скажите, вот такой вопрос: а зачем вы вообще всё это делаете?

Заведующий костром. Конкретно я? Или предприятие?

Журналист. И вы, и предприятие. Давайте начнём с вас. Зачем конкретно вы это делаете? Зачем вам этот костёр?

Заведующий костром. Понимаете, я — пироман.

Журналист. Это, что ли, заболевание? Поясните.

Заведующий костром. Меня с детства тянуло к огню.

Журналист. Я тоже люблю огонь, но я вряд ли этот... как вы сказали?

Заведующий костром. Пироман.

Журналист. Да, пироман. Что это вообще такое?

Заведующий костром. Это страсть сжигать всё, что попадается под руку.

Журналист. Страсть, с которой вы ничего не могли поделать.

Заведующий костром. Именно. Я сжигал всё, что можно было сжечь. Однажды я даже соседский дом сжёг.

Журналист. Представляю, как вам попало за это.

Заведующий костром. Никто не узнал. Решили, что случайное возгорание. Проблемы с проводкой или что-то в этом роде. Попало мне за другое.

Журналист. Так. За что же?

Заведующий костром. За фотографии. Я сунул в печь альбом с дедушкой в молодости. Мне очень понравилось. Он так красиво горел.

Журналист. Но...

Заведующий костром. Но дедушка меня застукал.

Журналист. И вы получили по шее?

Заведующий костром. На мне живого места не было. Он бил меня армейским ремнём, прямо пряжкой. По спине, по заднице, даже по голове. Видите, у меня правое ухо оттопыренное?

Журналист. Да, вижу. Можно потрогать?

Заведующий костром. Конечно. Это вот мне пряжкой. Перелом хряща.

Журналист. Ничего себе.

Заведующий костром. Да. Но дальше было хуже.

Журналист. Так-так, я вас внимательно слушаю.

Заведующий костром. Меня отдали в исправительное заведение. Специальный интернат для юных пироманов.

Журналист. Ого. Я и не знала, что такие бывают.

Заведующий костром. Бывают ещё и не такие. Но этот — один из самых страшных, его все боятся.

Журналист. Представляю.

Заведующий костром. Вряд ли. Вы не знаете, что это такое. Вы никогда не жили в большом несгораемом шкафу.

Журналист. И слава богу.

Заведующий костром. Но нет, как говорится, худа без добра. Всё всегда к лучшему. Благодаря своей болезни я получил это место.

Журналист. То есть, сразу после интерната вы пришли сюда?

Заведующий костром. Да. Это был самый счастливый момент в моей жизни.

Журналист. Простите, а у вас есть семья? Жена, дети?

Заведующий костром. Нет, мне, честно говоря, не до них. Я живу один, в общежитии нашего предприятия.

Журналист. Неужели не тоскливо одному?

Заведующий костром. Нет. Это спокойно и безопасно.

Журналист. Для вас безопасно?

Заведующий костром. Для всех остальных. Жену, детей и собственный дом, будь они у меня, я бы в один прекрасный день поджёг бы. Только лишь для того, чтобы посмотреть, как красиво они горят.

Журналист. Вы меня пугаете.

Заведующий костром. Я ничего не могу с собой поделать. Я родился таким, с костром в сердце.

Журналист. Ой, ну вот только давайте без вот этого вот.

Заведующий костром. Извините.

Журналист. Это вы меня извините. Я, конечно, всё понимаю. Но подобные фразы никак не вяжутся с вашим обликом. Если уж совсем начистоту. А мы ведь с вами перешагнули уже некоторую границу, правда?

Заведующий костром. Ну, наверное.

Журналист. Я не думала, что вы настолько интересный человек. Оставайтесь таким и дальше, не надо всё портить общими фразами. Вы сами по себе прекрасны.

Заведующий костром. Спасибо.

Журналист. Не смущайтесь.

Заведующий костром. Да я вроде как и не смущаюсь.

Журналист. Вы покраснели.

Заведующий костром. Это у меня профессиональное. Костёр, понимаете ли. Кожа приобретает такой оттенок.

Журналист. Да ладно вам оправдываться.

Заведующий костром. Хорошо, не буду.

Журналист. Ну вот и славно. Давайте теперь ко второй части вопроса.

Заведующий костром. Какого?

Журналист. Ну, про «зачем».

Заведующий костром. А.

Журналист. С вами мы уже разобрались, более-менее понятно, зачем это вам. Но зачем это нужно стране? Всё вот это предприятие?

Заведующий костром. Всё ненужное нужно сжигать.

Журналист. Опять общая фраза?

Заведующий костром. Нет. Это девиз нашего предприятия.

Журналист. Прямо-таки девиз?

Заведующий костром. Ну да. Вы разве не видели растяжку над проходной?

Журналист. Как-то не обратила внимания, наверное.

Заведующий костром. Ну вот будете выходить — посмотрите.

Журналист. Хорошо. Обязательно.

Заведующий костром. Такие красные буквы на чёрном фоне.

Журналист. Я поняла. А если развить, скажем, этот девиз? Так-то слишком всё просто получается. Но вы же не обычный мусор сжигаете, так ведь?

Заведующий костром. Так. Это не мусор.

Журналист. Хорошо. А что тогда?

Заведующий костром. Это забытые вещи.

Журналист. И?

Заведующий костром. В забытых вещах накапливается мощный заряд печали.

Журналист. Я же вас попросила...

Заведующий костром. Это не общая фраза. Это научный факт. Забытых вещей быть не должно. Стране не нужна лишняя печаль. А всё ненужное...

Журналист. Нужно сжигать, я поняла.

Заведующий костром. Мы работаем на общий праздник жизни.

Журналист. Как-то вы грустно так это сказали. Праздником и не пахнет.

Заведующий костром. Простите. Это побочка.

Журналист. Побочка?

Заведующий костром. Ну да. Время от времени накатывает. Это из-за взаимодействия со старыми фотографиями.

Журналист. А, да. Забытые фотографии, много печали. Поняла.

Заведующий костром. Да.

Журналист. Ну не грустите вы так. Хотите, я вам отдамся?

Заведующий костром. Я сейчас не могу, у меня доставка скоро.

Журналист. Да не прямо сейчас, дурашка. После вашей смены. Я могу прийти к вам в гости.

Заведующий костром. Сто сорок девятая комната.

Журналист. Так, записала. После восьми вечера примерно?

Заведующий костром. Да, где-то так. Возьмите на всякий случай ключ.

Журналист. О, спасибо. Ну что ж. Я буду ждать.

Заведующий костром. Я тоже. Вы извините, доставка. Мне нужно работать.
Журналист. Я понимаю. Чаем меня угостите? Ну, своим, особенным.
Заведующий костром. Обязательно.
Журналист. Может быть, даже сожжём что-нибудь. Вместе.
Заведующий костром. Всепременно.

Май 2011